

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1656](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1656)

Л. А. Бархатова

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ: КЕЙС ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА

Правильная ссылка на статью:

Бархатова Л. А. Структурные особенности коммуникации российских социологов: кейс онлайн-сообщества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 204—221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1656>.

For citation:

Barkhatova L. A. (2020) Structural Features of Russian Sociologists' Communication: an Online Community Case Study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 204—221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1656>. (In Russ.)

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ: КЕЙС ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА

БАРХАТОВА Лариса Александровна — преподаватель, аспирант кафедры методов сбора и анализа социологической информации, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: lbarhatova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4687-6676>

Аннотация. Статья посвящена анализу структурных особенностей коммуникации в социологических онлайн-сообществах. На материалах этнографического кейс-стади крупнейшего русскоязычного социологического онлайн-сообщества рассматриваются коммуникативная активность, социальный состав участников и правила взаимодействия. Дизайн исследования построен на смешивании методов, которое включало параллельное применение количественных и качественных методов: контент-анализа, сетевого анализа и онлайн-наблюдения. Было обнаружено, что в изучаемом сообществе неизбежно проявляется специфика онлайн-площадок. Фактически сообщество состоит из небольшого по размерам ядра более-менее активных пользователей и огромного количества периферийных участников (наблюдателей), не имеющих связей. В отличие от российского социологического сообщества в целом, на анализируемой площадке не обнаруживается фрагментации по региональному и профессиональному признаку. Отсутствие жесткого контроля над обсуждениями

STRUCTURAL FEATURES OF RUSSIAN SOCIOLOGISTS' COMMUNICATION: AN ONLINE COMMUNITY CASE STUDY

Larisa A. BARKHATOVA¹ — Lecturer, Doctoral Student at Department of Sociological Research Methods; Research Assistant at International Laboratory for Social Integration Research

E-MAIL: lbarhatova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4687-6676>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes structural features of communication in sociological online communities. The author considers communicative activity, social composition and rules of interaction between the members of the largest Russian sociological online community used as an ethnographic case study. The study design combines quantitative and qualitative methods: content analysis, network analysis and online observation. The findings suggest that the community under consideration has strong features of online platforms. In fact, the community consists of a small core of relatively active users and a large number of peripheral participants (observers) who have no connections. Fragmentation based on regional and professional characteristics typical of the Russian sociological community in general was not revealed in the community under consideration. A lack of strict control over online discussion allows the participants to freely express their point of view.

в онлайн-сообществе позволяет участникам свободно высказывать свою точку зрения.

Ключевые слова: российская социология, профессиональная коммуникация, онлайн-сообщества, этнографическое кейс-стади, сетевой анализ

Keywords: Russian sociology, professional communication, online communities, ethnographic case study, social network analysis

Одной из ключевых проблем российской социологии считается фрагментированность профессионального сообщества [Радаев, 2013; Соколов, 2009]. Она обусловлена сложностями в профессиональной коммуникации, наблюдавшимися на протяжении всего пути становления дисциплины [Kurakin, 2017; Ионин, Куракин, 2018].

На развитие профессиональных взаимодействий существенно повлияло появление интернета: значимая часть профессиональной коммуникации российских социологов в наши дни осуществляется в онлайн-среде. По данным группы ЦИРКОН, в 2012 г. наиболее востребованными каналами профессиональной коммуникации были посещение интернет-сайтов социологических/маркетинговых компаний и личные онлайн-контакты в профессиональной среде [Задорин, Мальцева, 2013]. В последние годы активно развивается неформальная профессиональная коммуникация в интернете, появляются специализированные онлайн-площадки (онлайн-сообщества), где представители профессии асинхронно могут обсудить актуальные профессиональные вопросы. Результаты эмпирических исследований показывают, что вовлечение в профессиональные онлайн-сообщества ускоряет обмен информацией внутри профессиональной группы, а также в долгосрочной перспективе способствует профессиональному росту [Hew, 2009; King, 2011].

В данной статье мы задаемся вопросом о том, каковы структурные особенности русскоязычных социологических онлайн-сообществ. Похожи ли такие онлайн-сообщества на большинство профессиональных онлайн-площадок, характеризующихся преобладанием пассивных участников и отсутствием явных лидеров [Zhang, Ackerman, Adamic, 2007; Рыков, 2016]? Будут ли воспроизводиться закономерности, наблюдаемые в российском социологическом сообществе в целом?

Эмпирическая база и методология исследования

Эмпирическое исследование представляет собой этнографическое кейс-стади крупнейшего русскоязычного социологического онлайн-сообщества¹. Реализация такой стратегии исследования позволяет проводить комплексный описательный анализ изучаемого феномена за счет использования разноплановых методов. В данном исследовании комплексность подхода достигается при помощи смешивания методов (mix methods research), предполагающего комбинирование качественных и количественных методов [Бархатова, 2019]. В частности, исполь-

¹ В целях соблюдения норм анонимности мы намеренно не приводим название изучаемого онлайн-сообщества.

зовался дизайн «дополнительного покрытия» [Morgan, 2014], в рамках которого качественный и количественный этапы проводятся параллельно друг другу с целью решения разных исследовательских задач.

Эмпирическую базу исследования составил контент изучаемого онлайн-сообщества за 2017—2018 гг., полученный с помощью двух технологий удаленного сбора данных с сайтов — API (Application Programming Interface) и парсинга (parsing) интернет-страницы изучаемого сообщества.

В рамках количественного этапа были использованы контент-анализ для описания социального состава участников и сетевой анализ, реализация которого позволила описать структуру сети в целом, а также проанализировать связи между сетевыми взаимодействиями и индивидуальными характеристиками исследователей. Для построения сети использовался критерий коммуникативной активности, который измерялся количеством комментариев, оставляемых участниками к постам друг друга². Качественный анализ, реализованный посредством онлайн-наблюдения, позволил дополнить формализованный анализ описанием правил взаимодействия и конфликтов³. В данной статье мы опираемся преимущественно на результаты количественного этапа. Качественный этап будет представлен для описания общего контекста.

Логика статьи следующая: сначала мы рассмотрим социальный и исторический контекст развития российского социологического сообщества, затем перейдем к анализу структуры коммуникативной активности на примере одного из крупнейших русскоязычных социологических онлайн-сообществ.

Социальный и исторический контекст развития российского социологического сообщества

В одной из работ, посвященных анализу проблем и путей развития российской социологии, выдвигается тезис о наличии в ней кризиса формирования профессиональной идентичности [Радаев, 2013]. Первые поколения исследователей до появления в России профильного социологического образования приходили в социологию из смежных дисциплин (философии, экономики, математики и др.). В условиях острого дефицита теоретико-методологических дискуссий, в котором происходило развитие советского социологического сообщества, разнородный бэкграунд значительно затруднял профессиональную коммуникацию. Ряд авторов отмечают деформацию профессиональной социологической идентичности, произошедшую за последние десятилетия [Эфендиев, Балабанова, Сорокин, 2016]. В 1990-е годы в российской социологии наблюдалась повышенная мобильность ученых. Академические социологии мигрировали в индустрию опросов, а в академическую социологию пришло много специалистов по марксистской политической экономии, философии и другим социально-гуманитарным наукам.

² Ввиду технических ограничений, возникших на этапе сбора данных, анализировались только комментарии к исходным сообщениям в тредах. Комментарии, оставляемые к комментариям, не учитывались.

³ В исследовании качественный этап также применялся для анализа тематики, вокруг которой складывается коммуникация в сообществе. Однако в рамках статьи ввиду ограниченности ее объема мы оставим в стороне рассмотрение тем коммуникации.

В настоящее время сложности, связанные с коммуникацией в разнородном сообществе, сохраняются. В частности, как показывают результаты эмпирических исследований, в профессиональном поле продолжают существовать отдельные исследовательские группы, которые крайне слабо контактируют друг с другом. М. Сафонова, изучавшая социальные сети отношений в петербургской социологии, эмпирически показала существование трех исследовательских кластеров [Сафонова, 2012]. М. Соколов, выступивший одним из соавторов данного исследования, назвал эти кластеры «Вест-сайдом», «Ист-сайдом» и «Переходной зоной» [Соколов, 2012]. Принадлежность к полученным сегментам профессионального сообщества объясняется преимущественно идеологическими взглядами. Представители Вест-сайда отличаются либеральными политическими взглядами и ориентированы на западную социологическую традицию. Ист-сайд, напротив, характеризуется консервативной политической идеологией. С точки зрения научных взглядов его представители ориентированы на национальную социологию. Переходная зона занимает промежуточное положение между «Западом» и «Востоком».

Той же точки зрения придерживается Е. Здравомыслова. По ее мнению, основания фрагментированности российского социологического сообщества лежат в разных идеологических представлениях. Она выделяет две группы, на которые сегодня расколото профессиональное сообщество: «чекисты» и «реформисты» [Zdravomyslova, 2008]. Представителей группы «чекистов» видят задачу социологии в конструировании национальной идеи для мобилизации российского общества. «Реформисты», напротив, представляют социологию критически ориентированной. По их мнению, только через аргументированную критику можно раскрыть социальные проблемы, в результате чего способствовать установлению социального баланса и уменьшению социальной напряженности.

Еще одна зона конфликта в профессиональном сообществе — взаимодействие между академической социологией и индустрией. По мнению И. Задорина, социологическое сообщество в России представляет собой две отдельные профессии: «социолог-ученый» и «социолог-прикладник», которые в последние годы все дальше отдаляются друг от друга [Задорин, 2007]. Причин этому он видит несколько. Во-первых, это разная аудитория отчета. Основным потребителем продуктов профессиональной деятельности социологов-прикладников является заказчик исследования, в роли которого обычно выступают политики, чиновники или бизнесмены. Оценка работы социологов-ученых, как правило, дают коллеги-ученые, то есть само научное сообщество. Во-вторых, это разные каналы профессиональной коммуникации, которые почти не пересекаются друг с другом. Как отмечает И. Задорин, сегодняшние российские социологи-ученые и социологи-прикладники в большинстве своем публикуются в разных научных журналах, посещают разные профессиональные конференции и конгрессы.

Несколько иной взгляд на проблемы российского социологического сообщества демонстрирует М. Соколов. По его мнению, фрагментированность профессионального сообщества вызвана прежде всего дефицитом обмена информацией [Соколов, 2009]. Ситуация осложняется тем, что наиболее тесные профессиональные связи образуются по недисциплинарному признаку — между

коллегами по организации, старыми друзьями и проч. Коммуникации между исследователями, работающими над схожей научной проблематикой, вторичны. Развивая эту идею в своей работе «Провинциальная и туземная наука», автор фокусируется на отсутствии устойчивого диалога между исследователями из разных регионов [Соколов, Титаев, 2013]. Это приводит к тому, что сообщество становится еще более неоднородным. Ядро профессионального сообщества формируется вокруг столичных университетов и исследовательских компаний, в то время как регионы остаются на периферии профессиональной сети. В свою очередь, это толкает региональные вузы и исследовательские центры на использование двух форм адаптации, которые М. Соколов и К. Титаев называют «провинциальной» и «туземной» наукой. Туземная наука возникает в том случае, когда представители сообщества, оказавшиеся на его периферии, добровольно изолируются от достижений «столичной» науки. Провинциальная наука, напротив, интересуется только «большой» наукой и имеет острый дефицит коммуникации внутри нее самой.

Таким образом, практически все авторы приходят к мысли, что сложности в профессиональной коммуникации мешают российскому социологическому сообществу преодолеть проблему фрагментированности. В связи с этим представляется важным обратить внимание на относительно новый канал коммуникации российских социологов — профессиональные онлайн-сообщества, кейс одного из них рассматривается в данной работе.

Общая характеристика онлайн-сообщества

Онлайн-сообщество было создано в 2011 г. известным в профессиональных кругах социологом. Первоначально оно имело формат закрытой группы, доступ в которую осуществлялся по приглашению от участников или в случае одобрения заявки на вступление модератором. В целом политику приема в сообщество можно назвать лояльной, поскольку, как отмечали сами участники, в группе состояли люди, чей профессиональный статус был неизвестен. В 2017 г. решением одного из модераторов границы сообщества были открыты, в результате чего его контент стал общедоступным (ранее просматривать контент могли только участники группы). Несмотря на недовольство со стороны участников, долгое время сообщество оставалось открытым (более подробно мы рассмотрим этот конфликт далее). В 2020 г. ему был возвращен закрытый формат.

На момент исследования общее число зарегистрированных участников онлайн-сообщества составило 2612 пользователей. Далее остановимся подробнее на описании его социального состава, полученного на основе информации, взятой из профилей участников в социальной сети.

Социальный состав

Гендерная структура изучаемого онлайн-сообщества характеризуется небольшим перевесом в сторону женщин (58 %) (см. рис. 1), что примерно отражает гендерный состав российского социологического сообщества в целом [Радаев, 2013].

География участников представлена преимущественно российскими городами. Большинство участников проживают в столице (52 %), а также городах-

миллионниках с развитой системой социологического образования (см. рис. 2). Также в сообществе есть небольшая доля русскоговорящих исследователей из стран бывшего СССР и ряда европейских стран (9 %).

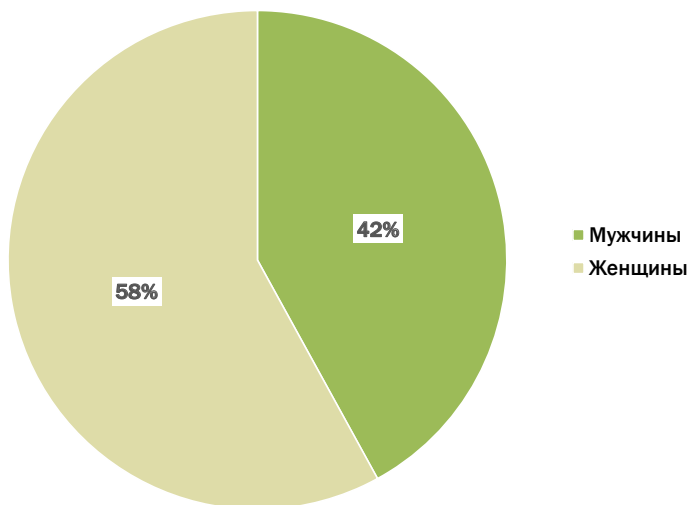

Рис. 1. Гендерный состав участников

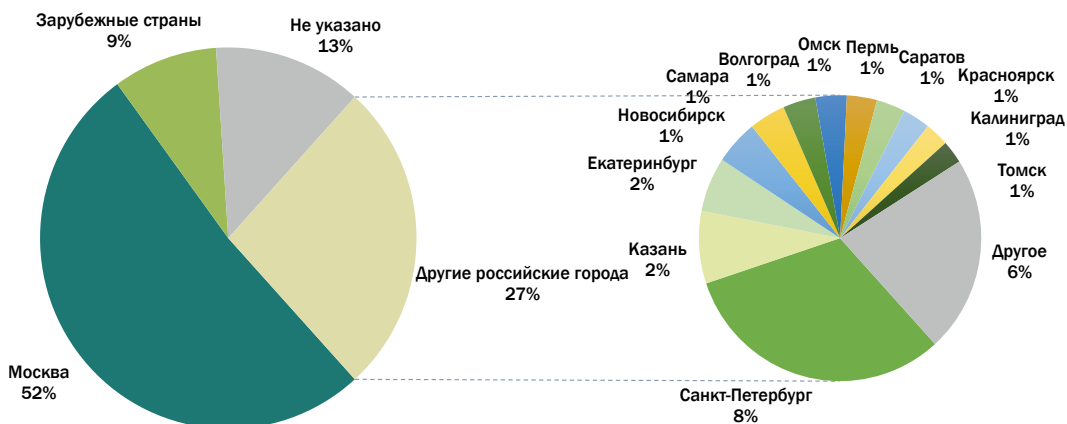

Рис. 2. География участников

В сообществе преобладают представители академической науки (48 %), работающие в вузах и академических институтах, по большей части крупных. 27 % участников сообщества работают в индустрии — «опросных фабриках», маркетинге, рекламе, PR и проч. 3 % участников являются представителями профессий, далеких от социологии — врачи, артисты, танцоры и проч., однако в рамках сообщества они не проявляют никакой активности (см. рис. 3).

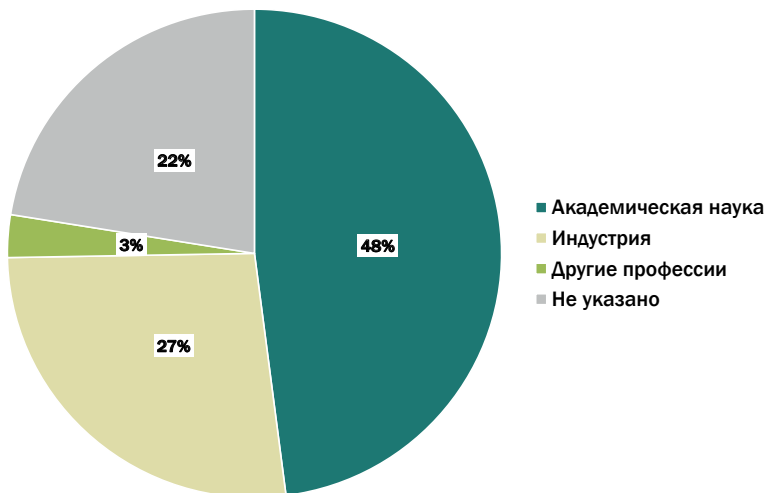

Рис. 3. Место работы участников

Правила взаимодействия

В настоящий момент в сообществе в явном виде имеется только одно правило, получившее название «Запрет на забвение». Его смысл состоит в том, что нельзя удалять свои посты или комментарии, если они инициировали дискуссию (какой бы острой она ни была) и под ними набралось более десяти реплик. Это аргументируется тем, что исследователи свободны выражать свое мнение. Чтобы защитить сообщество от недостоверного или нерелевантного по тематике контента, была установлена граница в десять реплик, в случае пересечения которой пост или комментарий не может быть подвергнут удалению. Во многом такое решение было принято в связи с прецедентом, когда модератором сообщества был удален пост одной из участниц с непроверенной информацией.

В случае если нарушения менее серьезные, модератор может ограничиться предупреждением. Наиболее частой причиной, по которой выносятся предупреждения участникам, является так называемый самопиар. Вместо анонса результатов вышедших или готовившихся к публикации книг, статей и монографий модератор призывает участников публиковать посты, которые не просто содержали бы информационную рассылку, а проблематизировали актуальные профессиональные вопросы.

Чтобы поддерживать интерес профессионального сообщества к онлайн-площадке, один из модераторов периодически прибегает к использованию специализированных приемов, направленных на более активное вовлечение участников в дискуссии. Например, он может инициировать небольшие развлекательные голосования, на которые выносятся дискуссионные вопросы из истории становления профессионального сообщества или спорные вопросы из профессиональной практики. Всего за анализируемый временной период подобных опросов было два. Первое голосование касалось допустимости использования в ходе интервью

приемов, обманным путем удерживающих внимание респондентов. Второе голосование было посвящено выбору ключевых фигур в советской социологии.

Еще один прием, которым пользуется модератор сообщества, — публикация анекдотов на профессиональные темы, фильмов, карикатур и проч., с призывом к участникам присоединяться и дополнять собранные материалы своими находками.

Конфликты

В целом коммуникация в изучаемом сообществе не носит конфликтный характер. Однако, как и в любых социальных целостностях, в нем периодически возникают конфликты между участниками. Как правило, они происходят на фоне обсуждения спорных ситуаций, произошедших ранее в офлайн-среде, хотя встречаются конфликты, зародившиеся полностью на онлайн-площадке.

За анализируемый временной период наиболее ярким был конфликт по поводу политики модерирования. Началом для развития конфликта послужило удаление поста, в котором приводились результаты австралийского опроса по легализации однополых браков. Хотя пост поднимал исключительно методические вопросы, один из модераторов сообщества (на момент исследования исключенный из состава модераторов) посчитал пост неуместным и удалил его. Ситуация обострилась тем, что несколько дней спустя этот модератор единолично принял решение перевести сообщество в формат открытой группы, не спросив мнения других участников. Многие из участников открыто выразили недовольство деятельностью модератора, в результате было инициировано голосование о лишении полномочий модератора. Решением большинства он был исключен из состава модераторов.

Многие исследователи выступили за то, чтобы обратно закрыть онлайн-сообщество. С их точки зрения, профессиональное сообщество по своему смыслу является закрытой группой, доступ в которую должен тщательно регулироваться модератором. В качестве идеальной модели профессионального онлайн-сообщества участниками предлагался формат закрытого английского клуба, попасть в который можно только по приглашению. Относительно небольшая часть участников выступила против закрытия границ онлайн-сообщества, выразив мнение, что общественность имеет право наблюдать профессиональные дискуссии и участвовать в них.

Обозначенный конфликт продолжался в течение нескольких лет и в конечном счете закончился изменением правил сообщества, а именно введением запрета на удаление постов, инициировавших дискуссии. Косвенно конфликт также стал поводом для закрытия границ сообщества, которое продолжительное время оставалось в формате открытой группы, однако потом было возвращено к первоначальному закрытому формату.

Исход рассматриваемого конфликта можно оценить как шаг в сторону профессионализации онлайн-сообщества. Закрытие границ сообщества приносит ограничения на высказывания непрофессионалов, за которые выступало большинство участников. Исключение из дискуссий тех, кто не является членом профессиональной группы, позволяет уменьшить помехи, неизбежно возникающие в рамках интернет-коммуникации: снизить шансы появления троллинга, пропаганды и непроверенной информации.

Характеристики сети коммуникативной активности

На рис. 4 показана сеть коммуникативной активности внутри изучаемого онлайн-сообщества. Аналитически структура получившейся сети может быть описана с помощью типичной для онлайн-площадок модели «ядро — периферия» [Рыков, 2015]. Фактически сообщество состоит из небольшого ядра более-менее активных пользователей, которые создают его контент (19%), и большого числа периферийных участников (наблюдателей), не имеющих связей (81%).

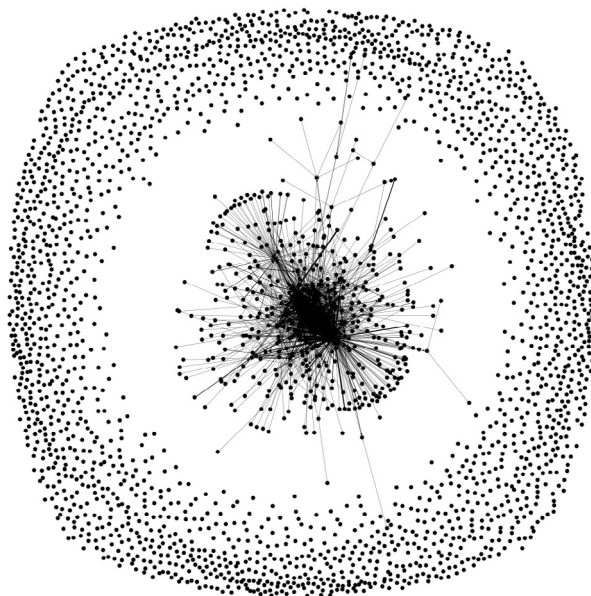

Рис. 4. Сеть коммуникативной активности участников сообщества

Даже без учета пассивного большинства плотность сети (density), рассчитываемая как отношение количества существующих связей к потенциально возможному числу связей для заданной сети, довольно низкая (0,006).

В рассматриваемой сети, поскольку она является направленной (directed), можно выделить два типа связей: входящие и исходящие. В данном исследовании входящие связи представляют собой получение комментариев к своим постам, а исходящие связи — написание комментариев к постам других участников. С точки зрения престижа, который определяется суммарным количеством входящих связей (indegree), в изучаемом сообществе наблюдается значительный перевес в сторону участников, не имеющих входящих связей (73% от «непассивных» участников). Таких участников можно условно назвать «комментаторами»: они участвуют в обсуждениях под чужими постами, но сами не инициируют дискуссии. На рисунке 5 представлено распределение количества входящих связей для участников, опубликовавших в сообществе как минимум один пост. Большинство из них за прошедшие два года получили 1, 2, 3, 4 или 6 комментариев от других

участников. При этом в сообществе есть отдельные структурные позиции, обладающие высоким престижем. Так, 11 участников сообщества имеют 30 и более входящих связей, а у одного из них число входящих связей и вовсе превышает 170.

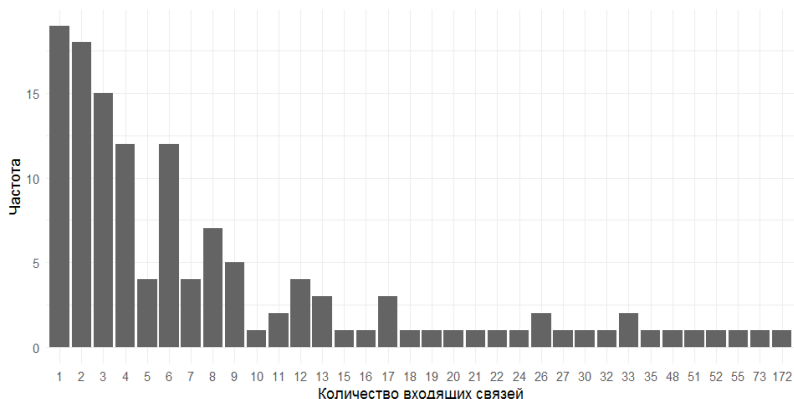

Рис. 5. Распределение количества входящих связей

Центральность, определяемая количеством исходящих социальных связей (outdegree), в анализируемой сети отражает количество людей, которым оставлял комментарии конкретный участник сообщества. В отличие от престижа, с точки зрения центральности в изучаемом сообществе наблюдается меньший разброс структурных позиций. На рисунке 6 показано распределение количества исходящих связей для участников, прокомментировавших в сообществе за последние два года как минимум один пост (не оставляли комментарии к чужим постам только 7 % от «непассивных» участников). Как видно из графика, по количеству исходящих связей больше всего в сообществе структурных позиций с одной (50 % от «непассивных» участников) или двумя связями (18 %). При этом только два участника онлайн-сообщества имеют более 30 исходящих связей.

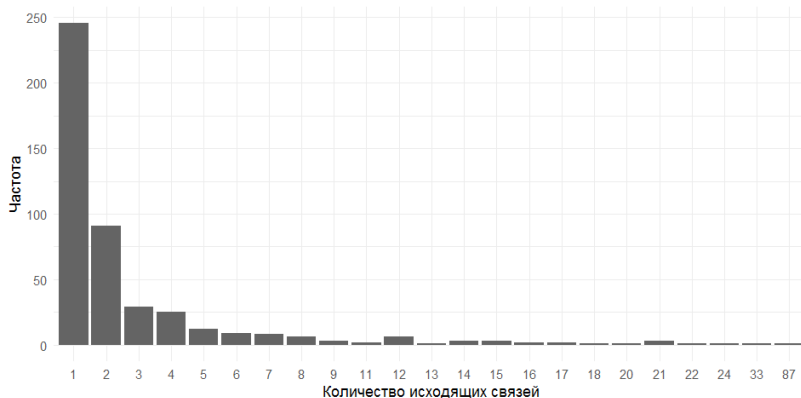

Рис. 6. Распределение количества исходящих связей

Примечательно, что максимальное число входящих (престиж) и исходящих связей (центральность) имеют одни и те же люди (10 человек). Соответственно, можно сделать вывод, что эти участники не просто создают основную долю контента сообщества, но и получают активный отклик на свои посты со стороны других участников.

Другая задача, которая ставилась в исследовании в рамках сетевого анализа, состояла в оценке взаимосвязи между структурой коммуникации в сообществе и социально-демографическими характеристиками исследователей. Было проанализировано два показателя, которые могут служить основанием для фрагментации профессионального сообщества: город проживания и место работы.

Чтобы проверить, наблюдается ли в сообществе фрагментация по региональному признаку, переменная «город проживания» была рассмотрена в разрезе трех категорий: 1) проживает в Москве; 2) проживает в другом российском городе; 3) проживает в другой стране; 4) город проживания не известен. На рисунке 7 представлена визуализация сетевых взаимодействий участников сообщества в разрезе города их проживания. Выделить связь сетевой активности участников сообщества с городом их проживания достаточно сложно. На изучаемой площадке исследователи из Москвы и других российских и зарубежных городов общаются как между собой, так и друг с другом. Изолированных групп по региональному признаку в сообществе не обнаруживается.

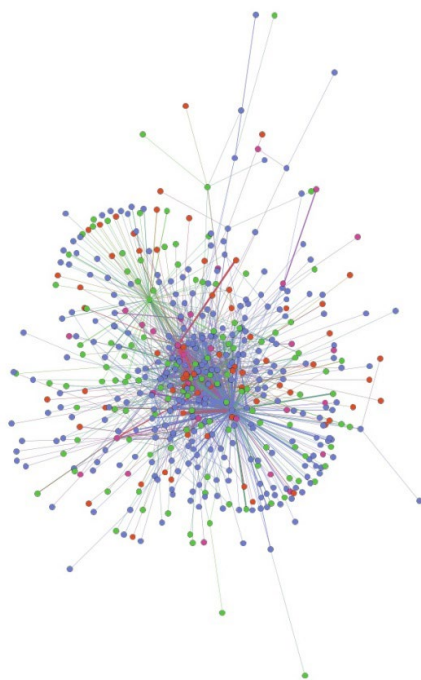

Рис. 7. Сетевые взаимодействия в разрезе города проживания⁴

⁴ Синим цветом на графике показаны исследователи, проживающие в Москве. Зеленым цветом — те, кто проживает в других российских городах. Розовым — исследователи, проживающие в другой стране. Красным показаны участники, которые не указали город своего проживания, и его было невозможно косвенно идентифицировать по другим признакам.

В таблице 1 показано процентное распределение связей (без учета их направления) в зависимости от города проживания. 68 % связей исследователей из Москвы составляют связи с другими исследователями из столицы. Поскольку это несколько превышает долю активных участников сообщества из столицы (56 %), можно говорить, что исследователи из столицы чаще общаются друг с другом, чем это предсказывается моделью формирования связей случайным образом (random network). Процент связей исследователей из других российских городов друг с другом в построенной сети, напротив, оказался чуть ниже, чем если бы мы предположили, что связи формируются случайно (19 % и 24 % соответственно). Исследователи из других стран, составляющие 6 % от активного состава участников, имеют 11 % связей друг с другом.

Таблица 1. Процент связей по городам проживания

	Проживает в Москве (56 %)	Проживает в другом российском городе (24 %)	Проживает в другой стране (6 %)	Город проживания неизвестен (14 %)
Проживает в Москве	68 %	65 %	61 %	53 %
Проживает в другом российском городе	17 %	19 %	23 %	18 %
Проживает в другой стране	9 %	10 %	11 %	25 %
Город проживания неизвестен	6 %	6 %	5 %	4 %
Всего	100 %	100 %	100 %	100 %

Несмотря на незначительный перевес связей типа «проживает в Москве — проживает в Москве» и «проживает в другой стране — проживает в другой стране», выраженной тенденции гомофилии (homophily) — образовывать связи с теми, кто имеет похожие социальные характеристики, — в сообществе не обнаруживается. Однако бросается в глаза относительно высокий процент связей «проживает в Москве — проживает в другом российском городе», составляющий 65 % связей исследователей, проживающих в других российских городах. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что онлайн-сообщество успешно функционирует в качестве профессиональной площадки, доступной для исследователей из разных регионов.

Далее была проверена гипотеза о наличии в сообществе фрагментации по профессиональному признаку. Для этого было рассмотрено место работы исследователя в разрезе трех категорий: 1) работает в академической социологии (к этой категории мы относили сотрудников университетов и социологических научных организаций); 2) является представителем индустрии; 3) профессиональный статус неизвестен. Рисунок 8 представляет собой визуализацию сетевых взаимодействий участников сообщества в разрезе места работы. Как и в случае с городом

проживания, выделить однозначную связь между сетевой активностью и сферой профессиональной деятельности проблематично. Несмотря на различие профессиональных интересов, академические социологи и представители индустрии активно коммуницируют друг с другом на площадке изучаемого онлайн-сообщества. Отдельных изолированных групп по профессиональному признаку в сообществе также не обнаруживается.

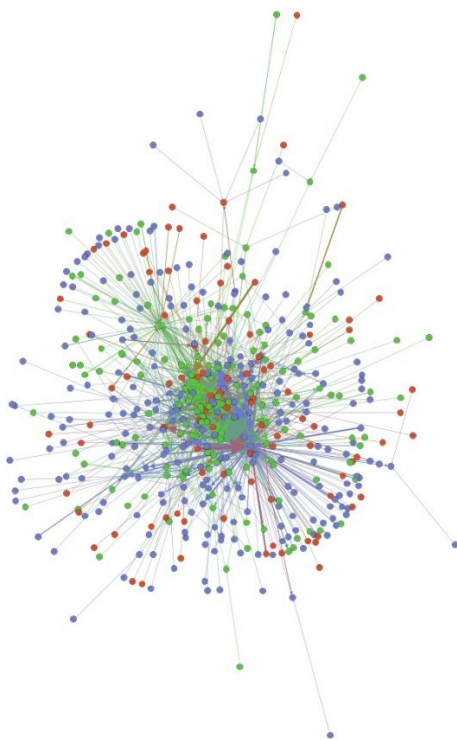

Рис. 8. Сетевые взаимодействия в разрезе типов места работы⁵

В таблице 2 показано процентное распределение связей (без учета их направления) в зависимости от места работы. Среди исследователей, работающих в академической социологии, которых в сообществе насчитывается 50 %, 29 % связей составляют связи с коллегами из университетов и/или научных организаций, 56 % — с коллегами из индустрии. Соответственно исследователи-академики реже общаются друг с другом, чем если бы связи формировались случайным образом. Процент связей исследователей из индустрии друг с другом в построенной сети полностью совпадает с тем, как это предсказывается моделью случайного формирования связей. 30 % связей среди исследователей, работающих в индустрии, составляют связи друг с другом, 53 % — связи с коллегами из академических кругов.

⁵ Синим цветом на графике показаны исследователи, работающие в академической социологии. Зеленым цветом — те, кто работает в индустрии. Красным — участники, не указавшие в своем профиле место работы.

Таблица 2. Процент связей по типу места работы

	Работает в академической социологии (50 %)	Работает в индустрии (31 %)	Профессиональный статус неизвестен (19 %)
Работает в академической социологии	29 %	53 %	42 %
Работает в индустрии	56 %	30 %	51 %
Профессиональный статус неизвестен	15 %	17 %	7 %

Так же как и с региональным критерием, с точки зрения места работы выраженной тенденции образовывать связи с теми, кто имеет похожие социальные характеристики, в сообществе не обнаруживается. В отличие от офлайн-среды, на анализируемой площадке академические социологи и представители индустрии активно коммуницируют друг с другом.

Безусловно, переменные, используемые в данном исследовании, не дают возможность в полной мере охарактеризовать все существующие разделения и лагеря внутри российского социологического сообщества. Выбор делений «столица — регионы» и «академия — индустрия» обусловлен прежде всего ограниченным набором переменных и нереактивностью анализируемых данных.

Выводы

Изучаемое онлайн-сообщество выполняет интегрирующую функцию, способствуя коммуникации между исследователями из разных городов, университетов и областей социологии. Неизбежно в сообществе проявляется специфика профессиональных онлайн-площадок. Прежде всего это находит отражение в структуре сообщества, ключевое место в которой занимает небольшое по размерам ядро более-менее активных пользователей, производящих контент. При этом относительно много периферийных участников (наблюдателей), пассивно потребляющих контент и не имеющих связей.

Анализируемая площадка характеризуется отсутствием жесткого контроля над обсуждениями со стороны модераторов. Каждый участник может свободно выражать свое мнение в рамках дискуссий, что является ключевым принципом сообщества и зафиксировано в его правилах.

В отличие от российского социологического сообщества в целом, на изучаемой площадке не наблюдается фрагментированности. Академические социологи и представители индустрии, слабо контактирующие в офлайн-среде, активно общаются друг с другом в рамках онлайн-сообщества. Также проделанный анализ показал отсутствие связи между сетевой активностью и городом проживания. Социологи из столицы активно коммуницируют с исследователями из других российских городов или зарубежных стран.

Список литературы (References)

Бархатова Л. А. Опыт применения смешанной методологии для изучения взаимодействий в профессиональном социологическом онлайн-сообществе // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова). Международная научная конференция (Москва, 28—30 ноября 2019 г.): сб. материалов / под отв. ред. М. К. Горшкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 314—319.

Barkhatova L. A. (2019) The Experience of Applying a Mixed Methodology to Study Interactions in a Professional Sociological Online Community. In.: Gorshkov M. K. (ed.) *The Future of Sociological Knowledge and the Challenges of Social Transformations (on the Occasion of the 90th Anniversary of V. A. Yadov)*. Proceedings of the International Conference (Moscow, November 28—30, 2019). Moscow: FCTAS RAS. P. 314—319. (In Russ.)

Задорин И. В. Апология «прикладности», или Еще раз о профессионализме, профессии и профессиональном сообществе // Социальная реальность. 2007. № 5. С. 65—74.

Zadorin I. V. (2007) Apologia of the Applied, or Once Again about Professionalism, Profession and Professional Community. *Social Reality*. No. 5. P. 65—74. (In Russ.)

Задорин И. В., Мальцева Д. В. Исследование информационной культуры и профессиональной коммуникации в социологическом сообществе // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 3. С. 41—52.

Zadorin I. V., Maltseva D. V. (2013) The Study of Information Culture and Professional Communication in the Sociological Community. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 3. P. 41—52. (In Russ.)

Ионин Л. Г., Куракин Д. Ю. Существует ли патриотизм в социологии? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 114—131. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5716>.

Ionin L. G., Kurakin D. Yu. (2018) Does Patriotism Exist in Sociology? *Sociological Journal*. Vol. 24. No. 1. P. 114—131. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5716>. (In Russ.)

Радаев В. В. Российская социология в поисках своей идентичности // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 3—17.

Radaev V. V. (2013) Russian Sociology in Search for Its Identity. *Sociological Studies*. No. 7. P. 3—17. (In Russ.)

Рыков Ю. Г. Сетевое неравенство и структура онлайн-сообществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 4. С. 144—156.

Rykov Yu. G. (2015) Network Inequality and Structure of Online Communities. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 18. No. 4. P. 144—156. (In Russ.)

Рыков Ю. Г. Структура социальных связей в виртуальных сообществах: сравнительный анализ онлайн-групп социальной сети «ВКонтакте»: автореф. дисс. ... канд. социол. н. М.: Институт социологии РАН, 2016.

Rykov Yu. G. (2016) The Social Network Structure of Virtual Communities: A Comparative Analysis of Online Groups of the VKontakte Social Network. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Sociology. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Сафонова М. А. Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 107—120.

Safonova M. A. (2012) Network Structure and Identities in a Local Community of Sociologists. *Sociological Studies*. No. 6. P. 107—120. (In Russ.)

Соколов М. М. Российская социология после 1991 года: интеллектуальная динамика «бедной науки» // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2009. № 1. С. 20—57.

Sokolov M. M. (2009) Russian Sociology after 1991: The Intellectual Dynamics of “Poor Science”. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. No. 1. P. 20—57. (In Russ.)

Соколов М. М. Изучаем локальные академические сообщества // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 76—82.

Sokolov M. M. (2012) Studying Local Academic Communities. *Sociological Studies*. No. 6. P. 76—82. (In Russ.)

Соколов М. М., Титаев К. Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239—275.

Sokolov M. M, Titaev K. D. (2013) Provincial and Indigenous Science. *Forum for Anthropology and Culture*. No. 19. P. 239—275. (In Russ.)

Эфендиев А. Г., Балабанова Е. С., Сорокин П. С. Идентичность и профессиональная культура отечественной социологии: опыт библиометрического анализа // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 45—54.

Efendiev A. G., Balabanova E. S., Sorokin P. S. (2016) Identity and Professional Culture of Russian Sociology: A Bibliometric Analysis. *Sociological Studies*. No. 3. P. 45—54. (In Russ.)

Hew K. F. (2009) Determinants of Success for Online Communities: An Analysis of Three Communities in Terms of Members’ Perceived Professional Development. *Behaviour & Information Technology*. Vol. 28. No. 5. P. 433—445. <https://doi.org/10.1080/01449290802005995>.

King K. P. (2011) Professional Learning in Unlikely Spaces: Social Media and Virtual Communities as Professional Development. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*. Vol. 6. No. 4. P. 40—46.

Kurakin D. (2017) The Sociology of Culture in the Soviet Union and Russia: The Missed Turn. *Cultural Sociology*. Vol. 11. No. 4. P. 394—415. <https://doi.org/10.1177/1749975517728625>.

Morgan D. L. (2014) *Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach*. Thousand Oaks, CA: Sage. <https://dx.doi.org/10.4135/9781544304533>.

Zdravomyslova E. (2008) Make Way for Professional Sociology! Public Sociology in the Russian Context. *Current Sociology*. Vol. 56. No. 3. P. 405—414. <https://doi.org/10.1177/0011392107088234>.

Zhang J., Ackerman M. S., Adamic L. (2007) Expertise Networks in Online Communities: Structure and Algorithms. In: *WWW '07: Proceedings of the 16th international conference on World Wide Web*. New York, NY: Association for Computing Machinery. P. 221—230. <https://doi.org/10.1145/1242572.1242603>.